

1.2 О возможности и действительности «следа» прошлого

Следы являются «имманентными вещами». А *имманентное* рождается и конституируется только в сознании человека.

Определённые «следы» существуют в сознании *определённых людей*. Но этому имманентному существованию следов не присущ автоматизм, что заметил ещё в 19 столетии J. G. Droysen²⁹, подчёркнувший, что одна МАТЕРИАЛЬНАЯ презентация предметов прошлого, не делает ещё из них «следов прошлого».

СЛЕДЫ могут находиться «рядом с нами» и, в тоже время, оставаться для нас (1) незамеченными / «неоткрытыми» или же (2) «являться» нам не тем, *чем* они в действительности являются, как, например, остатки вымерших рептилий, которые люди долгое время находили, но которые они не сразу смогли идентифицировать, принимая их вначале за остатки фантастических драконов. Но и современные (ис)следователи никак не гарантированы от подобных ошибок и заблуждений.

Без сомнения, сам факт, что нечто находится перед нашими глазами, очень благоприятно влияет на процессы человеческого познания, но самих познавательных процессов этот факт никак заменить не может. Ведь мы имеем «перед нашими глазами» множество предметов, что ещё не означает, что мы все эти предметы окончательно познали.

Материальное присутствие следа есть его ВОЗМОЖНОЕ, но ещё не его ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ присутствие. Действительное присутствие ПРОШЛОГО может быть только его *имагинарным* присутствием, т. е.

²⁹ Droysen, Johann Gustav. Historik. Stuttgart 1977. S. 67.

присутствием, при котором материальный *след* становится *образом*, охватывающим собой не только настоящее, но и прошлое.

На сложный характер отношения между *ВОЗМОЖНЫМ* и *ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ* указал и знаменитый французский философ Henry Bergson (Анри Бергсон). Я приведу здесь одну его цитату, предоставляющую нам возможность понять всю сложность этой проблематики:

«В той мере как только действительность сотворит из себя нечто непредсказуемое или новое, она бросает своё изображение позади себя в своё неопределённое прошлое; и кажется, что она в любой момент была такой, какая она есть, но именно в этот момент она только начала становиться таковой, какой она как будто бы всегда была. Поэтому я говорю, что её возможность, которая не предшествовала её действительности, начинает ей предшествовать, как только возникнет сама эта действительность. Возможность есть, таким образом, зеркальное отображение, брошенное настоящим в своё прошлое. И так как мы знаем, что и будущее когда-то станет настоящим и что этот зеркальный эффект непрерывно будет продолжаться, мы можем утверждать, что наше настоящее, которое завтра станет прошлым, должно уже сейчас содержать в себе отображение своего прошлого — отображение, которое мы не в состоянии сейчас ухватить»³⁰.

И это не удивительно, что мы не в состоянии ухватить то отображение прошлого, которое содержит в себе наше настоящее. Ведь наше настоящее ещё не стало «следом» прошлого. Поэтому, если оно и содержит в себе картину своего прошлого, то только потенциально, т. е. содержит её как ВОЗМОЖНОСТЬ, но не как ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

³⁰ Bergson, Henry. Denken und schöpferisches Werden: Aufsätze und Vorträge. Frankfurt a. M. 1985. S. 120 f.

Потенциальное прошлое *должно ещё* стать прошлое, т. е. должно *пройти*.

Лишь после того, когда ВОЗМОЖНОСТИ будут реализованы, т. е. когда они перестанут быть ВОЗМОЖНОСТЯМИ, тогда они станут *эпистемологически* доступны нам как «возможности». И хотя в момент их идентификации ВОЗМОЖНОСТИ уже не являются «возможностями», *эпистемологически* они именно в этот момент становятся для нас таковыми.

Поэтому, если мы хотим понять новую, *непредсказуемо* возникшую, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, мы должны бросить взгляд в её прошлое, т. е. познать её ВОЗМОЖНОСТИ, которые присутствуют в этой новой ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ как «следы». Понятие ВОЗМОЖНОСТЬ имеет много общего с понятием СЛЕДА. Точно также, как и «следы прошлого», ВОЗМОЖНОСТИ одновременно и БЫЛИ и ЕСТЬ. Но *теперь* они, однако, являются не тем, чем они были раньше.

Я не буду дальше погружаться в философские глубины этой тематики, но замечу, что только познав *прошлые* ВОЗМОЖНОСТИ новой ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, мы можем открыть в ней «ставшее таковым бытиё» (нем. «Gewordensein»).

Проблема историка лежит, однако, в том, что он видит и в «возможностях прошлого» вовсе не ВОЗМОЖНОЕ, а *свершившееся бытиё* и тем самым, собственно говоря, лишает исторические ВОЗМОЖНОСТИ всех их «возможностей». С «возможностями прошлого» он обходится так, как будто бы они изначально были ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ. Однако ВОЗМОЖНОСТИ не являлись изначально ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ, а они стали ею в ходе «непредсказуемого исторического процесса».

Надо сказать, что *непредсказуемость* характерна не только для БУДУЩЕГО, но и ПРОШЛОГО. Мы не в состоянии предсказать, «как» люди будущего будут интерпретировать прошлое. Мы не можем этого знать, потому что на *человеческие процессы интерпретации* прошлого, по мнению Bergson(a), существенно влияет фактор «ретроспективной», а я бы ещё добавил «селективной» внимательности, благодаря которому прошлые события в наших глазах постоянно меняются. Потому что в *ретроспективе* они, позволяют себя, «по-другому вырезать, по-другому распределять, в конце-концов, по-другому себя воспринимать. Таким образом и осуществляется процесс постоянного преобразования прошлого через его будущее, причины — через её следствие»³¹.

Любая историческая причина имеет свои (по)следствия (и здесь мы опять наталкиваемся на термин «следа»). В истории не бывает причин без следствий и следствий без причин. Однако в исторической взаимосвязи причин и следствий всегда вначале меняются СЛЕДСТВИЯ, а потом уже исторические ПРИЧИНЫ. Прошлое меняется вместе со своим будущим.

В контексте новых исторических консеквенций мы оцениваем причины давно прошедших событий совершенно по-другому. В контексте этих консеквенций даже «успех» может стать для нас со временем «поражением». Если в 1936 году факт создания СССР советскими, да и зарубежными, историками оценивался, как «успех» — СССР существовал и это вынуждены были признать, упоминая терминологию того времени, как «враги», так и «друзья» нового государства —, то в 1996 г., когда СССР уже прекратил своё существование, уже невозможно было обозначать его историю как «абсолютный» и «безусловный» успех.

³¹ Bergson, Henry. Denken und schöpferisches Werden. A. a. O. S. 123.

Пример с советской или с постсоветской историографией подтверждает лишний раз тот факт, что настоящую правду истории можно узнать только *ex post*, т. е. задним числом. Потому что «дифференция между действительно происшедшей и изображённой историей репродуцирует себя постоянно заново»³² (Reinhart Koselleck).

Существование СССР являлось как бы «существованием вопреки», что также подчёркивали идеологи этого государства («СССР существует вопреки воле мирового империализма и врагов социализма!»). Однако существование «вопреки» требует всегда какой-то легитимации. Существование Швейцарии никогда ни для кого не являлось существованием «вопреки». Другое дело существование государственных структур Северной Кореи — их наличие можно сравнить с ситуацией смертельно больного человека, который, по медицинским прогнозам, уже давно должен был бы умереть, но всё ещё живёт. Никому не хочется существовать «вопреки», потому что это аномальное существование, которое не вписывается в общую картину и нарушает «нормальный» или «устоявшийся» порядок, но и гарантирует привлечь к себе внимание историков. Не случайно во всех хрониках мировой истории напротив даты «1917 год» внесена запись «революция в России», а не указание на то, что в 1917 г. была создана «Национальная хоккейная лига в Монреале».

Но почему, однако, история СССР интерпретировалась нами с такими, можно сказать, несовместимыми дифференциями? Нужно учитывать, что, интерпретируя историю СССР, историки, всё-таки, реконструировали не историю Древнего Рима, а прошлое *существующего* государства, т. е. имели дело со «следами», которые ещё *не прошли / не*

³² Koselleck, Reinhart. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. In: Aufsätze und Vorträge aus vier Jahrzehnten „Vom Sinn und Unsinn der Geschichte“. Hg. v. Carsten Dutt. Berlin 2012. S.19-20.

ушли, а которые на их глазах *проходили / уходили*, порождая своим *уходом* непредсказуемые (по)*следствия*. Интерпретировать такие «следы» чрезвычайно сложно.

Археолог Cornelius Holtorf (К. Хольторф) замечает в этой связи, что

«нет ничего сложнее, чем предсказать прошлое. Однако из этого постулата многозначности следов вовсе не следует, что следы можно интерпретировать так, как нам захочется. И то, что следы говорят нам, зависит существенно от того, как мы их читаем. Но никто никогда не читает следы так, как ему хочется»³³.

Следы действительно не позволяют читать себя так, как нам захочется, потому что они являются феноменами нашего сознания, а «феномены сознания» подчиняются законам человеческого восприятия. Об этих законах и пойдёт речь в следующей главе.

1.3 О человеческом восприятии следов

Исторический след является, по своей сути, «отчуждением» или «выражением» ДРУГОГО. Хотя «выражением» или «проявлением» ДРУГОГО, надо заметить, след является только с точки зрения того, кто его *воспринимает*. «Отчуждённое» принимает характер «выраженного» или «проявленного» в акте человеческого *понимания*. Вне этого акта оно не может быть «отчужденным».

³³ Holtorf, Cornelius. Vom Kern der Dinge keine Spur. Spurenlesen aus archäologischer Sicht. In: Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S./Kogge, W./Grube, G. Frankfurt a. M. S. 341.